

Николай Семёнов-Мерьский

ОЧЕРКИ РУССКОГО ХАРАКТЕРА

Сборник рассказов

Николай Семёнов-Мерьский

Очерки русского характера.
Сборник рассказов

«Издательские решения»

Семёнов-Мерьский Н.

Очерки русского характера. Сборник рассказов / Н. Семёнов-Мерьский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-518802-1

В сборнике представлены четыре рассказа о жизни русского общества в послевоенный период и до перестройки. Автор раскрывает основные черты характера русского народа, коллективизм, взаимопомощь, патриотизм, находчивость, высокую приспособляемость к внешним условиям и прочие.

ISBN 978-5-00-518802-1

© Семёнов-Мерьский Н.
© Издательские решения

Содержание

Иван «Калёный»	6
Эпизод первый: «Иван Калёный на войне»	8
Эпизод второй, «Клава Горлова на войне». Пересказ со слов моей супруги Надежды	10
Эпизод третий. «Иван Калёный в МТС»	12
Эпизод четвёртый. Семья Ивана Калёного и отношения с односельчанами	14
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Очерки русского характера Сборник рассказов

Николай Семёнов-Мерьский

*«Общественное бытие, тождественно общественному
сознанию»*

А. А. Богданов

© Николай Семёнов-Мерьский, 2020

ISBN 978-5-0051-8802-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Иван «Калёный»

Вылезая из авто, подъехав к своей деревенской усадьбе, я приветствовал моего соседа, по прозвищу «Ванька Калёный», который как всегда встречал меня у моего дома, «здравствуйте Иван Степанович, барин вы наш», были мои первые слова. Этими словами я приветствовал его всякий раз, при всякой встрече. Дом и участок достались мне от моих родителей, а им от их родителей, знакомы с соседом мы были много лет. Он Иван Степанович был наш деревенский «соглядатай», интереснейшая личность. На моё шутливое приветствие, он всегда отвечал так же с юмором, «был бы я вашим барином, вы бы ногами землю топтали, а я бы в авто катался». По супруге моей, Надежде, его супруга была сестрой моей тётки, Анастасии Ивановны. Преклонного возраста, лет за 70, среднего роста, сухощавый, подвижный, он, Иван Калёный, в заштопанной и стиранной фуфайке, резиновых сапогах и «вечной ушанке», зимой и летом, не лежал на печи, как в русских сказках, а постоянно передвигался по своей усадьбе, не оставляя своим вниманием и все дома в деревне, а их было около 30, и все окрестности вокруг деревни, за всем приглядывал. Плохо видящий, по его словам, хотя супруга его, Клавдия Ивановна, говорила, что в избе он контролирует каждый её шаг, и начинает ругаться, как только посчитает, что она что-то делает неправильно, это при том, что в избе у них освещение включалось редко, по причине дороговизны оплаты за «свет», чего придерживались все местные жители, в деревне все экономили на «свечах электрических». В противоположность избе, освещение, у него на дворе, выключалось только на ночлег. Двор был полон скотины, там стояли две коровы, одна тёлка, бычок, три или четыре овцы, и кудахтали десятка два кур, и всё это «богачество», как говорила Клавдия Ивановна, охранял пёс «дворянской» породы, по кличке «Тузик», честно отработывавший «свой хлеб» громким лаем, при проникновении на вверенную ему для охраны территорию чужих, включая лис и кабанов, которых в наших местах расплодилось изрядно, по причине исчезновения охотников. «Тузик» облаивал и людей, проходящих вдоль забора по улице, подавал сигнал о присутствии чужого. При этом «Тузик» не подвергал риску свою жизнь, когда рядом не было хозяина, он лаял, спрятавшись в свою будку. Всё это, не малое хозяйство, требовало много работы по уходу, горячих кормов, тёплой воды для обмывания скотины, тёплой воды для поила, для других работ по уходу за животной. С раннего сранья, ещё затемно, хозяйка уже всю возилась на дворе, запаривала зерно, отруби, доила коров, давала всем поило, накладывала сено с сеновала в кормушки, искала и собирала куриные яйца. На дворе без электричества было никак не обойтись, поэтому Калёный применял «свои методы» для снижения бремени по оплате за «свет». На деревне он считался добросовестным плательщиком, что подтверждали и ежегодные проверочные наезды из местных электросетей. Причина этого мнения основывалась на том, что он никогда не использовал такие «первобытные» способы снижения платежей за свет, которыми пользовалось остальное местное население, как то, подключение на провода удлинителей с «крокодилами», помимо электросчётчика, установка патронов в осветительные лампочки типа «жулик» и прочие «достижения» народной технической мысли, которые существовали для экономии личных денежных средств. Я, частенько бывал у него в доме, по-соседски и как родственник, и всегда наблюдал одну и ту же картину, в избе темно, на хозяйственном дворе свет горит, тепло, чан с горячей водой стоит на буржуйке, которая давно не топилась, пяток поленьев лежит рядом, у печки, скотина чистая и спокойная, методично жуёт сено в кормушке или кормится из корыта. Коровы дружно и шумно вздыхают, как будто о чём сожалея, разглядывая молодого бычка, куры сидят на жердях или роются на дворе в навозе, за всеми приглядывает красавец петух, обходя территорию, он явно считает себя начальником двора. Когда то, в местном колхозе, Калёный работал бригадиром по электрической части и все премудрости народной электротехники постиг по книжкам для «профтехучилища», и собственными

размышлениями. Не знаю, как, но однажды, я был свидетелем, когда во всей деревне не было электричества, в том числе и у меня, я пришёл спросить у Калёного, когда включают «свет», а у него на дворе, свет горел. Я не раз пытался вывести у Ивана его секреты, но он всегда уходил от конкретных ответов, отделялся прибаутками, даже во время соседского распития народного напитка, его приготовления, который он называл «антигрустин», он не терял бдительности. В целях не возбуждения общественного интереса, окна на его дворе всегда были закрыты ставнями и открывались только тогда, когда выкидывали через них навоз со двора на огород, свет при этом гасили.

Эпизод первый: «Иван Калёный на войне»

В какой-то год, в начале нашего знакомства, пригласил я Ивана в гости к себе, по поводу всенародного праздника, тогда ещё Советской Армии и Военно-морского флота. Дело было без жён, по согласованию с ними, боже упаси от самовольства, а у них свой разговор был, женский, нам только картошки наварили, огурцов солёных с грибочками миску наложили, капусты конечно квашеной с антоновкой, всё своё, и сала шмат Иван с собой принёс, прошлогодней засолки, во рту аж таяло, без хлеба, каравай ржаного хлеба, из печи «от бабы Клавы», ещё тёплый, заменял один всю закуску, поэтому был съеден, с «занюхиванием», в первые три тоста, первый тост был без чёкания, «за тех, кто не вернулся», и полный стакан на столе, накрытый коркой ржаной, каравайной, чтоб не выдохся до применения. Всё остальное из магазина, селедочка, водочка моя, Иван своё «антигрустина» принёс. Уединились мы с ним в летней кухне, я немного подтопил, а потом жарко стало и без печки, от выпитого и съеденного. Предались воспоминаниям, Иван о службе в Красной Армии и о войне с фашистами, я вспоминал о службе в Советской Армии и как с китайцами воевали, на острове Даманском.

Рассказ Ивана. В воинскую часть попал я в 42-ом, после ускоренного курса артиллерийского училища в нашем областном центре. Получил звание младшего командира, одну птичку на рукав, с одним жёлтым кантом, проездные документы, денежное довольствие за месяц, рюкзак с трёхсуточным пайком и в часть, в артиллерийскую бригаду, которую готовили на фронт, в резерве, недалеко от Оренбурга. Тут служба была не сахар, потяжелее, чем в училище, тренировки, стрельбы, обучение новобранцев специальностям по номерам, разгрузка из прибывающих составов вооружения и боеприпасов. Бойцы всегда с радостью шли на политзанятия, задние ряды их откровенно спали, передние, старались не заснуть, таращили глаза. На фронт часть выдвинули зимой, в конце ноября 42-ого, позиции заняли в районе Курска, окапывались, вели разведку боем, ходили за языком. Один раз, со мной случился казус, пошли за языком втроём, я и два бойца, фрицы, куда-то все попрятались, ну никого нет, возвращаться пустыми, себе дороже, не исполнение приказа. Пошли искать по окрестностям, вышли на какой-то хутор, чуем фрицы в избе. Подползли, часового они, почему-то не выставили, бросили мы в хату пару лимонок и сразу, как только грохнуло, на захват. Захватывать было некого, всех пятерых уложили насмерть, тоже, видно, на охоту вышли за «языком». Делать нечего, смотрим, у них еды припас и шнапсу приготовлен был богатый, видно только наладились принять фрицы на грудь, не успели, не пропадать же добру, мы всё это съели и выпили. Водки досталось много, я уснул как убитый, проснулся от выстрелов, один в хате, товарищи куда-то пропали. Наши, продвигались вперёд, хата оказалась в полосе боевых действий. Идти некуда, залез я в погреб, тут на меня и налетел случайно залётный фриц, я ему, «хенде-хох», и вырубил прикладом по «башке железной», чтобы не брыкался. Когда вывел я его из погреба, вижу, бойцы мои лежат недалёко от избы, убитые. Когда привёл «языка» к своим, на допросе у «особиста», я показал, что мы, когда взяли «языка» из немецкого дозора, пришлось отстреливаться от отряда фрицев, я чудом остался жив, уходя с «языком» из-под огня, бойцы отсекали меня с «языком» от фрицев. Из-за нашей перестрелки и заваруха вся началась, комбриг подумал, фашисты пошли в атаку, и дал команду на отражение атаки. За этого «языка» меня наградили и в звании повысили. Это была первая и последняя моя награда фронтовая, «За боевые заслуги». Повысили меня в звании, ещё «птицу» нацепил я, и назначил меня, комбриг наш, во взвод управления, замом командира взвода. Комбриг у нас был старый служака, воевал и в мировую войну, и в гражданскую в артиллерии, при конной армии Будённого, имел будёновские усы и из-за этого сходства, прозывался среди личного состава нашего, «Будённым». У меня такие же усы были, и комбриг это очень одобрял. А Клаве моей, мы с ней рядом всю войну прошли, до Дня Победы, мои усы ужасно не нравились, она их называла, «блиндаж для блох» и требовала

сбрить. Наконец, она меня добила с этими усами, и я их сбрил. Когда, на следующий день, меня увидел комбриг, что я с голым «под-носьем», меня он изгнал обратно, из взвода управления в «окопы», и так прошёл я всю войну, до Вены, командиром батареи, и ни одной награды больше не удостоился, хотя танков немало перебил из своих батарейных орудий, правда, демобилизовался с погонями капитана на плечах, как в царской армии, птиц нам, ромбы и прочее с гимнастёрок сняли, заменили на звёздочки. Был я и ранен, один раз осколками, но не тяжело, в кирасе был, в полевом госпитале быстро подлечили, поэтому от полка я не отстал, и к Клавде своей я возвратился. А воевали мы с фашистами разных мастей, всех тяжелей было с немцами, вояки крепкие, других мастей фашисты, мадьяры, венгры, итальяшки, да всех не перечтёшь, со всей Европы масти, только уже не козырные, с ними полегче было, они как почуют, смертью пахнет, сразу норовили на переговоры и в плен сдаться, не стремились за Гитлера и рейх жизни класть на чужбине. Тут я ему сразу вопрос, «Иван Степанович, значит ваша жена с вами на фронте была», да, отвечал он мне, но мы с ней ещё до фронта встретились, на формировании части в резерве, и подружился, и бои прошли, и домой вернулись вместе. Вы на фронте что ли поженились? Был мой вопрос. Да нет, на фронте это ни, ни, не до чего, сразу по разным частям раскинут, да и глаза со всех сторон смотрят, служили по уставу. На этом Иван Степанович оборвал свои воспоминания, и мы попрощались. Потом, через много лет, когда и Иван Степанович, и Клавдия Ивановна уже оставили этот свет, вылезли и другие «казусы» из жизни Ивана Калёного на войне, как говорится, «Нет ничего тайного, чтобы не стало явным», но это уже другая история, в следующий раз расскажу.

Эпизод второй, «Клава Горлова на войне».

Пересказ со слов моей супруги Надежды

Посидели мы с Клавдией Ивановной, помянули наших родственников, погибших на войне и кого, вернувшись с войны, не долго пожили, помолились, выпили винца красненького, всплакнули. Клавдия рассказала мне, что тоже была на фронте, в действующей части, и как с Иваном повстречалась и замуж за него вышла.

Рассказ Клавдии Ивановны. Попала я на военную службу в девушках, 18 лет только стукнуло. Надежда её спросила, а зачем в армию пошла, мужики ведь кругом и посикать негде, а ещё стреляют, слава богу, если убьёт, а если ранит. В ответ Клавдия сказала, я об этом, тогда, и не думала, потом всё узнала, как на войне, я была в сильном испуге, мне пришла повестка, для явки на мобилизационный пункт, отправка на Трудовой Фронт. В то время, мы уже знали, что с трудового фронта никто из наших знакомых, и знакомых наших знакомых, призванные на Трудовой Фронт, обратно не вернулись, никаких весточек оттуда не получали, это была верная гибель. Мы, с мамой моей Ненилой, царствие ей небесное, поплакали, и она мне сказала, «иди-ка ты, Клавушка в военкомат, и в Армию, там хоть оденут, обуют, накормят, письма писать будешь мне, как чего, а это, окопы рыть и рубежи строить, голодная гибель. У меня в военкомате подруга Анна работает, авось и поможет попасть куда надо, я с ней сегодня поговорю». Утром, пораньше, собрала я документы, бельишко кой-чего, сухарей котомку, мама складень медный, бабушкин в котомку положила, благословила меня, обнялись мы с мамой, сестрой Люсей, она ещё мала была, 13 годов, присели у дома на лавочке, поплакали и я ушла. Встретились только в 46-ом, после войны, я ещё год дослуживала, в оккупации. Оформили меня быстро, я поварскую специальность уже имела, и уже вечером, я была в вагоне, уезжала на Восток, куда-то на Урал. Самое страшное, как я считала, Трудовой Фронт, осталось позади. Бог миловал, выжила, с любовью встретилась, вместе вернулись обратно, и деточек родили, первенец правда, только в 48-ом родился. Я её спросила, тяжело на войне мужиков кормить? Да уж, милка моя, Клавдия мне отвечала, труд тяжелейший, да и, кроме того, во время боя приходилось мне и на передовую ходить, бойцов раненых на эвакуацию вытаскивать, погибших я уже не касалась. Да и кормить солдат приводилось в окопах, наварю щей да каши, чаю покрепче заварю, в чай сахару побольше, хлеба несколько буханок, всё в термос и рюкзак, килограмм 30 набиралось, а во мне, 55 килограмм всего тогда было, на спину всё и на позицию. Летом провизию, на мотоцикле бойцы поближе подвозили, зимой на санках подтаскивали, жалели меня ребята, помогали, как могли. Зимой, возни больше было, маскироваться приходилось, закрываться белым маскхалатом и термосы с рюкзаками хлебными под белое тряпье прятать, чтоб фрицы не стрельнули. Спрашиваю её, так вы что, так всю войну и кормили солдат. Да, Наденька, отвечает она мне, всю войну, и после войны, почти год, в оккупации, в Венгрии. Но это уже легко было, как в санатории, на кухне, в столовой, солдатик в наряде, помогает, полегче. А как вы с Иван Степановичем на фронте поженились, расскажите пожалуйста, попросила я Клавдию. А как мы поженились, отвечала она, духовно поженились, дали клятву друг другу, что поженимся после войны, если выживем. И больше ни чего? Спрашиваю её, больше ни, ни Надя, отвечала Клавдия, все на глазах друг у друга, всем невеста я была, если б Ивана приревновали, могли бы в бою и пристрелить. Береглись мы, уж только в Венгрии согрешили, узнали друг друга, ещё крепче полюбились. Приехали мы со службы с Ваней, к его родителям, там и свадьбу сыграли, принарядились перед свадьбой, и мне и ему по обнове сшили, 2 больших чемодана трофейного добра из оккупации привезли, больше не разрешали, да и не верблюда, на горбу не утащишь. Да мы на себе чемоданы и не тащили, с собой ещё мы мотоцикл с коляской привезли, Ивана наградили, поэтому 17 километров от станции до деревни прокатились с ветерком. Потом к моей маме, сюда приехали, тут и на житьё осели. Съездили с Ива-

ном в дальний скит, там и обвенчались, Ваня то партийный уже был, здесь нельзя нам было венчаться, тайно обвенчались, по нашей вере, по старой. Тётя Клава, а как вы к маме моей на работу в финотдел попали? Клавдия Ивановна рассказала мне, как попала на работу в финотдел нашего района. Пришли мы с демобилизации, Ивана в МТС взяли работать, мне предложили работать в налоговой инспекции, я согласилась, работа не сложная, ходила по деревням налоговые деньги с колхозников собирала, с частников. Но работа оказалась и опасной, один раз было на меня нападение, с целью ограбления собранных денег, но я отстрелялась от грабителя, он убежал в овраги, а я преследовать его не стала, с собранными деньгами была, армейские навыки пригодились. У вас и оружие было с собой? Да, Надя, был служебный ПМ, с двумя магазинами патронов, по работе полагалось, поскольку были случаи нападений и сотрудники пропадали, не зря деревня у нас здесь рядом, «Лихинкой» называется, места лихие, и люди лихие. Ну я, с этой работы скоро ушла, Володю рожала, а после родов перешла на работу в финотдел, в район, дитё, Вову, кормить надо было, не могла по району мотаться.

Так, постепенно и постоянно, я узнавал что-то новое из жизни Ивана Степановича и Клавдии Ивановны, жили по-соседски, а по жене роднились, общались регулярно, когда приезжали в деревню.

Эпизод третий. «Иван Калёный в МТС»

Мне было интересно узнать, почему его звали «Калёный», как то, при случае, я его об этом спросил. Он охотно это разъяснил, даже с видимым удовольствием, видно гордился этим прозвищем.

Рассказ Ивана Степановича. Прозвище за мной тянется с малолетства, бегал я по улице летом и зимой в рубашке, на босу ногу, и никогда не простужался, и не болел, за что и прозвали «Калёный», ну а потом, и война калила, и жизнь не давала слабину, так закалённым и хожу, до сих пор. Спросил я его, как он стал бригадиром электриков в колхозе, на что, он рассказал, что в колхозе никогда и не работал, был главным электриком местной машинно-тракторной станции, МТС, поскольку в училище артиллерийском электротехнику изучал, экзамены по ней сдавал на отлично, поэтому и был принят на эту работу. Из армии, я демобилизовался с партийным билетом, на фронте в партию приняли, это тоже послужило поводом для приёма на работу. В МТС и секретарём парткома меня избрали, по рекомендации райкома партии. МТС наша, больше десятка колхозов вокруг себя, обеспечивала всякой техникой и ремонтами. Раньше, колхоз был в каждой деревне, это потом, после Сталина, всё на укрупняли. Сейчас электричество везде, по всем деревням, по проводам приходит, с больших электростанций, а при МТС в нашем районе, было больше десятка малых гидроэлектростанций, ГЭС, мощностью 100—300 квт, только на лампочки хватало и то летом, пока вода была. Разрушенные плотины везде видишь, вот у нас вон, где плотина была, видишь, прорыли посреди ход для стока воды в половодку, а к лету травка в котловане вырастает, скотину пасём. Теперь овраг за нашей деревней, до следующей деревни половодкой прорыло, и глубина стала, дна не видно, орешником всё заросло, кабанам сплошное раздолье, а нам головная боль, картоху осенью ну никак не устережёшь, всё перекопают. Ну и рыба своя у нас пропала, раньше таких тут экземпляров сетями таскали, объедение, а сейчас кругом бобры по речкам деревья валят. Шапки из бобра у нас за дефицит не считались, у меня до сих пор лежит, но тяжела, оденешь, как чугуна на голове носишь, только по праздникам одеваю. Всё мы, МТС обслуживали, и ГЭС, и сети местные, электродойки на фермах и прочее электрооборудование. Теперь всё укрупнили, фермы по 1000 голов и больше держат, одна скотина захворала, от неё все заражаются животные, всей фермой и хворают. Укрупнение всё нахваливали, а работников по сокращали, всё население разбежалось по близлежащим фабрикам, и в область много народу перебралось. При Брежнев в деревне уже урожай у нас убирали студенты, старшеклассники, научные работники, интересно было, с умными людьми можно было пообщаться, особенно, если на постой попадут, называлось это «смычка города и деревни». Студенты и в строительных отрядах, у нас по деревням строили дома, школы, клубы, скотные дворы, да много чего понастроили. Теперь в деревнях везде одни дачники, зато в городах городских развелось тьма и тоже друг от друга болеют, к нам, в деревню, детей своих привозят на время инфекций их них.

Да Иван Степаныч, поработать вам досталось, и на войне, и на земле, усердие требовалось немерянное. Усердие то, усердием, да усердие бывает опаснее лени. Был у нас такой казус, ещё при МТС, приехал сын к матери доярке на каникулы, способный парнишка был, от колхоза послали учиться на механика. Случилась у его матери поломка сепаратора на ферме, а надо было масло срочно делать, в натуральный налог сдавать, вручную его бить долго и тяжело, парень и взялся сепаратор наладить, нас не позвали. Сделал он чего-то там, заработал сепаратор, а потом двигатель сгорел окончательно. Завели следствие, подвели парнишку под вредительство, так и отправили его к «забайкальским комсомольцам», так у нас расшифровывали слово «зэка», на 5 лет, вот плоды чрезвычайного усердия, усердствовать тоже надо с оглядкой. Был у нас на МТС ремонтник, Петр Ферапонтович, тот демонстрировал усердие простым способом, часто встречал директора МТС на входе в «ремзону» с руками в солидоле, и норовил

за руку с директором поздороваться. Директор на всех рабочих собраниях, приводил Ферапонтыча в пример, как образец добросовестного труженика.

Эпизод четвёртый. Семья Ивана Калёного и отношения с односельчанами

Рассказ автора. У Ивана и Клавдии родились два ребёнка, мальчик Володя и девочка Валя, через пять лет после Володи. Семья постоянно разрасталась, Володя и Валя выросли, также создали семьи и родили, Володя двух девочек с женой Ниной, а Валя двух мальчиков с мужем Павлом, по фамилии Коган. Я вступил в постоянное владение усадьбой в деревне, когда внуки и внучки у Ивана Калёного были уже подростки 12—16 лет, уже могли полноценно трудиться на дедовском огороде и помогать по уходу за скотиной. Жили все постоянно, члены семьи, в близлежащих посёлках городского типа и наезжали к деду и бабушке в деревню, вместе с родителями, когда была необходимость в помощи, по заготовке сена летом, уборке урожая осенью, посадочные работы весной.

Семья дружно работала на «сельхозработах» у патриархов семьи, и дружно исчезала, до следующего «субботника», оставался постоянно рядом, только Владимир, для пребывания в деревне он поставил себе, рядом с домом родителей, небольшой дом, типа садового, развёл свой огород и небольшой садик фруктовый, старался быть независимым от родителей.

Я частенько заходил, с супругой, в гости к старикам, жена моя медицинский работник и осматривала Клавдию Ивановну по её жалобам, советовала ей какие таблетки принимать, в общем, присматривала за здоровьем Клавдии Ивановны. У моей супруги, очень много родственников по «женской» линии и они все «держатся вместе», общаются, встречаются, передают новости, у кого, как и кто, помогают друг другу по жизненным неурядицам. В корнях этого родового древа располагалось от шести до восьми сестёр, от четверых отцов, которые были родными братьями. Все ветви этого древа были от женского рода, а названия этих ветвей происходили от фамилии мужа сестры-основательницы. Был у нас полный матриархат, финансы всегда были у женщины, мужчины были добытчики. В завершении визита, мы всегда пили чай, прощались и уходили. Обстановка в избе, у стариков, была самая простейшая, без современной мебели, телевизор стоял из «первых моделей», на экране которого появлялось мутное, слабо различимое изображение при его включении, единственно можно было понять, что показывают, по рассказу диктора, иконостас в углу, с горящей лампадой, обстановка, как у нас говорили, самая затрапезная. Но была одна вещь, которую я впервые в жизни увидел, радиоприёмник немецкий «Телефункен», с очень большим диапазоном радиоволн, правда, был он в нерабочем состоянии. Это меня сильно удивляло, соседство внешней скромности обстановки и такого дорогого радиоприёмника, источники доходов у обоих обитателей этого дома были очень приличные, по стандартам этой деревни, пенсии у обоих, и у Ивана, и у Клавдии с фронтовыми надбавками, животину, тёлку, бычков, овец они сдавали живым весом в «райпо», заготовители ежегодно приезжали к ним, всё, что на сдачу, грузили на свой транспорт и увозили, молоко, яйца из под кур, Иван и Клавдия продавали дачникам, а когда был не сезон, всё это забирала Валентина, дочь, и сбывала в посёлке, где жила. Нам с женой, этого никогда, ничего не давали, по-родственному, и не продавали. Мы, к этому порядку отношений «родственных», давно привыкли и не обижались, жили дружно. Себе, Иван и Клава, ничего не оставляли, питались они своими продуктами или нет, никто не знал, жили они очень скромно, даже по местным меркам. Жители местные, тоже откармливали животину на сдачу в райпо, но не ради денег, а чтобы получить взамен, из «райпо», дефицит, ковры, обувь импортную, мебель и прочее, список был неограничен, вплоть до автомобиля, а уж мотоциклы «Урал» или «Днепр», шли под первым номером, для покупки. По такой же схеме, купил себе мотоцикл с коляской, и их сын Владимир, скотину для сдачи в «райпо», он откармливал сам, регулярно косил траву для своей животины и для родительской. Корову, правда, не держал, молока ему родители выдавали. Однажды, встретился мне на улице Владимир, шёл мимо моего дома,

очень расстроенный. Остановился, поговорили, я его спросил, «ты чего такой расстроенный, что случилось?». Да вот, отвечает Владимир, у моего мотоцикла генератор «накрылся», я у отца денег попросил на покупку генератора, а он мне отказал и сказал, «Володя, ты молоко то не покупаешь, мы тебе его даём, ты вот деньги то, что сэкономил, и копи, и купишь новый генератор». Так мне плохо стало, от этих слов, я ж на своём мотоцикле, всё лето ему на двор свежий укос травы привожу, все полянки в округе выкашиваю, чего делать? Да ладно, Володь, сколько тебе требуется? Могу на пару месяцев одолжить, держи, Володя, радостный, взял деньги, пообещал отдать раньше и побежал на дорогу, в трёх километрах от деревни, где проходил рейсовый автобус на райцентр, для покупки нужной запчастки к своему мотоциклу.

В отношении Ивана и Клавы, всем жителям деревни было понятно, что денежки у них имеются и немалые. Народ, иногда пытался подзаныть у Калёного, когда не хватало, на чего-нибудь, но всегда и все получали отказ из-за отсутствия денег, при этом Калёный в качестве доказательства указывал на свою скудную обстановку в избе, и на многочисленность «едоков» в семье. В конце концов односельчане поняли, что у Калёного просить взаймы, бесполезно, знали это и мы, родственники. Из-за своей патологической жадности, которая была присуща ему и его жене, они имели народные звания, скряги, скупердяи, за копейку удавятся и прочие «титуты». Не льготили, и не баловали Иван и Клава и собственных детей, и внуков. Разговор с ними, у них был простой, «вырастили мы вас, выкормили, в жизнь выпустили, дальше живите сами, как можете, но лучше живите скромно, бережливо, не шикайте». В отличии от ветви «Калёных», все остальные сродственники нашего рода давали в долг всегда и охотно, кто сколько может, сроки возврата долга озвучивал сам заёмщик, ему всегда верили, пусть с нарушением сроков возврата, но долги всегда возвращались. Пришлось и мне, в своё время, воспользоваться этим беспроцентным внутри родственным займом, когда подошёл срок нашей с супругой очереди на покупку автомобиля «жигули». Денег не хватало, на половину от стоимости авто, но я их быстро собрал, объехав всех ближних тётушек жены.

Я спрашивал у Ивана, откуда у него такой дорогой, импортный радиоприёмник и однажды, он мне рассказал такую историю про радиоприёмник.

Рассказ Ивана. Привёз я, это радио, из оккупации, тогда много чего разрешали с собой везти, выменял я его у одной «фрау», за полбуханки чёрного хлеба. Таможенники при въезде на Родину, у нас, демобилизованных, не обыскивали багаж, такой приказ был им дан от нашего главного командующего. Привёз я это радио и нажил с ним много хлопот, пришлось его регистрировать в милиции, платить налог за прослушивание радиопередач, а пока, в деревне не построили клуб, у меня, в избе, была объявлена «радиоточка», и наш «колхозный актив» приходил ко мне в избу слушать правительственные радиопередачи, указы всякие, постановления, поздравления и прочее. Потом, оно, радио, сломалось, какая-то лампа сгорела, и с тех пор я храню его как память о молодости, о войне.

Как-то по весне, приехал я в деревню рано утром, Иван меня не встретил, пошёл я усадьбу обойти по забору, осмотреть, не было ли каких вторжений или нарушений на моей территории. Подойдя к прогону, между моим участком и участком Ивана Калёного, где-то в середине прогона, я увидел, что Иван стоит на четвереньках, на земле. Я подумал, что ему стало плохо, было ему за 80 лет, и быстро пошёл к нему. Шел я не шумливо, когда я подошёл к нему поближе, я увидел интересную картину, Иван, стоя на коленях, на ощупь, с глазами у него к тому времени, на самом деле, зрение ухудшилось, закапывал в колею палки с гвоздями, гвоздями кверху. Суть происходящего, я понял сразу, у Ивана был конфликт с соседом Олегом, усадьба у которого была через три дома от дома Калёного, а проезд прямо, по центральной улице был затруднён из-за ямы на дороге, которая в дождливые дни заполнялась водой и становилась не проходимой. Олег, наладился подъезжать на своём «Запорожце», к своему дому, по прогону Калёного, центральная дорога была разбита колёсами колхозной техники, из-за весенней распутицы. Калёный требовал у Олега, не ездить по прогону, потому что от этого

проезда повреждался зелёный травный покров, потом нечего было скашивать для скотины, но Олег, как-то это требование не воспринимал всерьёз и часто его нарушал. Я не стал Ивана «нервировать» и тихо ретировался, обратной дорогой. Днём, Олег встретился мне у колодца, любимое место наших деревенских жителей для обсуждения всех новостей местных, пока крутишь цепь с ведром вниз и вверх. Говорю Олегу, «ты не ездил по прогону у Калёного, Калёный „партизанит“, он там „мины“ ставит». «Да я уже понял», отвечал мне Олег, «на этой неделе, я пять проколов на колёсах клеил, Калёный „партизанит“ грамотно». Посмеялись мы с Олегом над превратностями жизни автомобилиста, я ему посочувствовал, на этом мы и разошлись, каждый со своим наполненным ведром.

Кончина Ивана Калёного. Эпизод последний. Иван Степанович ушёл из жизни в годах преклонных, около 96 лет, Клавдия Ивановна, как и все её сёстры прожила до 97 лет, после кончины Ивана Степановича, Клавдию Ивановну, из деревни, забрала к себе жить дочь, у которой в семье она и почилa. На похоронах, и у Ивана и у Клавдии, присутствовали только члены их семьи, никого из родственных ветвей на похоронах их не было. Обычно, у других усопших из этого рода число прибывавших проводить в последний путь, доходило до 150—200 человек. После кончины Клавдии Ивановны, у неё в изголовье, под подушкой, дочка нашла вещмешок с деньгами, деньги представляли интерес только для нумизмата, так как были остатками от разных денежных реформ, и носили изношенный, истёртый вид. Вот результат длительной трудовой жизни двух людей, конвертированный в истлевшие банкноты разных временных, финансовых периодов жизни страны. Не было только денег новой России, стали жить они только на свои пенсии, а деньги получали и копили посредством электронных счётов, хоть что-то осталось наследникам. В доме так никто и не жил, не было в нём человеческого тепла, семейного уюта, когда дом окончательно рухнул, участок приобрёл новый владелец, который построил новый дом, стали жить на этой земле другие люди.

Тайна Ивана Калёного. Вроде и всё, о жизни Ивана Калёного, ан нет, как говорили древние, «нет ничего тайного, чтобы не стало явным». Как то, встретились мы с Володей, года через три, после кончины его отца, он мимо проходил, пригласил я его в дом ко мне зайти, приняли немного «антигрустина», для разговора, стали вспоминать его отца, и вот что он мне поведал.

Рассказ сына Ивана Калёного, Владимира, об отце. Год назад, через интернет, вышел на меня господин Лазарь, венгр, и представился мне, как сын Ивана Степановича. Оказывается, пока мой отец был в оккупации, в Венгрии, он «осчастливил» тамошнюю девушку, Илону, и она родила Лазаря. Кстати, мадам Илона, до сих пор здравствует и тоже интересуется судьбой Ивана. Стали мы с ним переписываться, дружба у меня с ним получилась, парень оказался душевный, фотографиями обменивались, поздравлениями к праздникам. Прислал он фото и мамы своей, Илоны, ничего так старушка выглядит, маленькая, сухонькая, живёт одиноко, в тамошнем интернате для пожилых людей. Он искал «отца», потому что чувствовал себя одиноко. В его маленьком городке, где он родился и жил, все знали, что он у Илоны от «оккупанта», поэтому жил всегда в изоляции от окружения своего, решил найти отца или родственников по отцу в России, и нашёл. Так что я теперь имею «родственника» за границей. Я ему сообщил, о кончине Ивана Степановича, фотографий отправил, которые по приятнее. Договорились мы с ним о встрече, у нас в России, но почему-то связь с ним оборвалась. Вот такие дела оказываются. Посидели мы ещё, как следует, повспоминали молодость и Ивана, я поинтересовался у Владимира, а что они сделали с трофейным мотоциклом, который Иван привёз из оккупации. На это мне Владимир ответил, что мотоцикл отец продал давно, поэтому ему, Владимиру срочно пришлось покупать свой, естественно на свои деньги, родители ни «копья» не дали. А дело с продажей было так, по рассказу Владимира, повёз я отца в больницу, в район, как всегда в коляске он, закутанный, чего-то ему занемоглось. Приехали в район, встали у поликлиники, мужички местные стали подходить, как обычно, интересоваться что за модель, не будем ли продавать и тому подобное. Подъехал к нам «крутой»

на джипе, поговорил он с батей, видно в цене сошлись, отцу даже со здоровьем полегчало, к докторам не пошёл, повёз я его обратно домой. Вечером мотоцикл и забрали, редкая была марка «Цундап-750». Собрались мы уже с Володиёй расходиться, смотрю он чего-то мнётся, хочет спросить, а не может. Ну думаю, в долг будет просить, говорю ему, ну чего ты говори. Его вопрос меня ошарашил, я, даже задумался, не сразу ответил. Владимир спросил у меня, Николай, есть подозрение, что Лазарь представился, очень больной был на сердце, да и маме его уже за 90, со слов Лазаря я понял, что никого у них родственников, там, в Венгрии нету, получается, я единственный наследник ихнего имущества, а как рассказывал Лазарь, добра у них много, он на архитектора выучился и зарабатывал очень хорошо. Я, подумавши, ответил ему, да Володь, мысль актуальная, но я тебе в этом деле не советчик, слышал я, что есть у нас такая «инюрколлегия», которая вопросами наследства за границей занимается, но сразу предупреждаю, платить там придётся немало за их консультации и дела, так что пробуй, удачи тебе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.